

содержаній, въ убійствѣ не только людей, но и животныхъ. Законъ же, основанный на насиліи, преслѣдуетъ только извѣстные виды корыстолюбія, какъ-то : воровство, мошенничество, и извѣстные виды распутства и жестокости, какъ-то : нарушеніе супружеской вѣрности, убійства, увѣчья, — вслѣдствіе этого, какъ бы разрѣшая всѣ тѣ проявленія корыстолюбія, распутства и жестокости, которыя не подходятъ подъ его узкое, подверженное лжетолкованіямъ опредѣленіе.

Но мало того, что насиліе извращаетъ общественное мнѣніе, оно производитъ въ людяхъ еще то пагубное убѣжденіе, что движутся люди не духовной силой, влекущей ихъ къ постиженію истины и осуществленію ея той духовной силой, которая составляетъ источникъ всякаго движенія впередъ человѣчества, а насиліемъ, — тѣмъ самымъ дѣйствіемъ, которое не только не приближаетъ людей къ истинѣ, но всегда удаляетъ ихъ отъ нея. Заблужденіе это пагубно тѣмъ, что оно заставляетъ людей, пренебрегая основной силой своей жизни, — своей духовной дѣятельностью, — переносить все свое вниманіе и энергію на дѣятельность насилія поверхностную, праздную и, большею частью, вредную.

Заблужденіе это подобно тому, въ которомъ бы находились люди, желавшіе заставить двигаться паровозъ тѣмъ, что они руками вертѣли бы колеса его, не догадываясь о томъ, что основная причина движенія его есть расширеніе пара, а не движеніе колесъ. Люди, которые стали бы руками и рычагами вертѣть колеса, только вызвали бы подобіе движенія, а между тѣмъ изогнули бы колеса, помѣшавъ этимъ возможности настоящаго движенія.

Тоже дѣлаютъ люди, думающіе посредствомъ вѣншаго насилія двигать людьми. Люди говорятъ, что христіанская жизнь безъ насилія не можетъ установиться потому, что есть дикіе народы внѣ христіанскаго общества — въ Африкѣ, въ Азій (нѣкоторые такою угрозою нашей цивилизаціи представляютъ китайцевъ), и есть такіе дикіе, испорченные, и по новой теоріи насилѣственности, прирожденные преступники среди христіанскихъ обществъ; и что для удержанія тѣхъ и другихъ людей отъ разрушенія нашей цивилизаціи необходимо насиліе.

Но тѣ дикіе люди и внѣ, и внутри обществъ, которыми мы пугаемъ себя и другихъ, никогда не покорялись насилію, не покорены имъ и теперь.

Народы никогда не покоряли себѣ другихъ народовъ однимъ насиліемъ. Если народъ, покорявшій другой, стоялъ на высшей степени развитія, то всегда погорялось то, что онъ не вводилъ насиліемъ своего устройства жизни, а напротивъ,

всегда самъ подчинялся тому устройству жизни, которое существовало въ покоренномъ народѣ. Если чѣмъ покоренъ или близокъ къ покоренію какой либо изъ подавляемыхъ сплюснутыхъ народовъ, то только общественнымъ мнѣніемъ, а никакъ не насиліемъ, которое, напротивъ, все больше и больше возмущаетъ народъ.

Если покорялись когда люди цѣлымъ народамъ новому религіозному исповѣданію и цѣлымъ народамъ крестились или переходили въ магометанство, то совершались эти перевороты не потому, что ихъ принуждали къ этому люди, обладающіе властью (насиліе, напротивъ, чаще въ обратную сторону поощряло эти движенія), а потому, что принуждало ихъ къ этому общественное мнѣніе. Народы же, которые силою принуждались къ принятію вѣры побѣдителей, никогда не принимали ихъ.

Тоже и по отношенію тѣхъ дикихъ элементовъ, живущихъ среди обществъ : не увеличеніе, ни уменьшеніе строгости наказаній, не измѣненіе тюремъ, ни увеличеніе полиціи не уменьшаютъ и не увеличиваютъ количества преступленій, — уменьшается оно только вслѣдствіе измѣненія общественнаго мнѣнія. Никакія строгости не искоренили дуэлей и кровомщія въ нѣкоторыхъ странахъ. Сколько бы ни казнили черкесовъ за воровство, они продолжаютъ красть изъ молодчества, потому что ни одна дѣвушка не пойдетъ за молодцаго челоуѣка, не показавшаго свою удалу, укравши лошадь или по крайней мѣрѣ барана. Если люди пересганутъ драгны на дуэляхъ и черкесы воровать, то не изъ страха передъ казнями (страхъ казни прибавляетъ прелести молодчества), а потому, что общественное мнѣніе измѣнится. Также и во всѣхъ другихъ преступленіяхъ. Насиліе никогда не можетъ уничтожить того, что признается общественнымъ мнѣніемъ. Напротивъ, стоитъ только общественному мнѣнію стать прямо въ разрѣзъ съ насиліемъ и оно уничтожаетъ все дѣйствіе насилія, какъ это было, и всегда бываетъ, при всякомъ ученничествѣ.

Что-бы было, если бы не употреблялось насилія противъ враждебныхъ народовъ и преступныхъ элементовъ общества — мы не знаемъ. Но то, что теперь употребляется насиліе не покоряетъ ни тѣхъ, ни другихъ, это мы знаемъ по продолжительному опыту.

Да и какъ же покорить сплюснутымъ народамъ, которыхъ все воспитаніе, всѣ преданія, даже религіозное ученіе ведетъ къ тому, чтобы высшую добродѣтель видѣть въ борьбѣ съ поработителями и въ стремленіи къ свободѣ? И какъ искоренить насиліемъ преступленія въ средѣ нашихъ обществъ, когда то, что считается правительствами преступленіемъ, общественнымъ мнѣніемъ считается подвигомъ. Истребить